

налоги с подданных, согласно этим представлениям, вытекало из его роли как представителя бога на земле, а отнюдь не обуславливалось тем, что он выступал собственником совокупной недвижимости в империи. Вместе с тем И. Караяннопулос отметил необходимость для императора придерживаться определенных принципов налогообложения (его всеобщность, соответствие взимаемой суммы финансовому положению налогоплательщика). И. Караяннопулос проследил также развитие централизации во взимании налогов (централизация сбора и распределения поступивших налогов, сменившая раздельное поступление налогов в казну и выделение из нее средств для нужд провинций).

Правовой аспект темы был освещен С. Трояносом (Греция) в докладе «Церковь и государство: точки соприкосновения двух правопорядков». С. Троянос трактовал проблему власти и авторитета как антиномию двух правопорядков, а не двух властей. Единственная в византийской практике попытка регламентации отношений между двумя правопорядками, отражившаяся в титулах «Исагоги» об императоре и патриархе, не имела успеха. Сфера церковной компетенции определялась поэтому сохранявшимися силу положениями Юстиниановского законодательства применительно к епископам, чьи права, по мнению С. Трояноса, не имели ничего общего с «административной властью» (для осуществления своих прав они получали *auctoritas*, но не власть).

В докладе М. Нистазопулу-Пелекиду (Греция) «Константинополь как средоточие и символ власти и авторитета» была дана характеристика столицы империи, ее доминирующего положения как центра византийской государственности и главного очага всей общественной жизни Византии.

Отражению власти и авторитета в византийских фресках был посвящен доклад К. Жоливе (Франция).

В выступлении И. С. Чичурова по докладам, заслушанным на этом заседании, был поднят вопрос о роли политической идеологии в обосновании авторитета власти. Особое внимание было обращено на признаки эволюции византийских представлений о социальной роли императора. В частности, на первое место в идеале императора, по мере того как в VII—начале IX в. утрачивали свою значимость интеллектуальные и полководческие достоинства, постепенно выдвигалось благочестие. И. С. Чичуров указал также возможности выявления общественной реакции на официальную пропаганду путем противопоставления официальной теории императорской власти конкретным образам отдельных императоров в византийской литературе.

К. В. Хвостова проанализировала вопрос о сочетании философско-религиозных, этических и прагматистских представлений о власти и авторитете в Византии. По ее мнению, в теоретическом обосновании власти большое значение имело понятие прони́и. Важно поэтому установить связь между философским и политическим значениями этой категории, с одной стороны, и с другой — прони́ей как совокупности прав попечения, переданных стратигу или чиновнику, находящемуся на государственной службе. Первоначально забота императора о подданных мыслилась исключительно в виде некоей совокупности публично-правовых функций. В дальнейшем в империи происходят интенсивные процессы приватизации функций управления, а соответственно меняются представления о власти и авторитете. Обоснование того и другого византийские мыслители искали не только в области философско-религиозных и правовых представлений, но и в практической деятельности отдельных правителей. Для Византии характерны концепции нравственно-психологической ценности социально-политического опыта прошлого и его дидактических функций. Византийские историки разрабатывали поведенческую модель, основанную не только на политико-правовых воззрениях, но и на личных наблюдениях и анализе той роли, которую играют в политике психологические особенности личности. Описания событий в произведениях этих историков связаны, несмотря на их заверения в собственной беспристрастности, с субъективными оценками передаваемых событий